

Vestnik drevney istorii
76/1 (2016), 141–161
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/1 (2016), 141–161
© Автор(ы) 2016

ЭМИЛИ ГРЕЙС (ЭМИЛИЯ ЛЬВОВНА КАЗАКЕВИЧ), АМЕРИКАНСКИЙ ФИЛОЛОГ-КЛАССИК И СОВЕТСКИЙ ИСТОРИК*

С. Г. Карпюк

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
oxlos@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается биография и анализируются научные труды Эмили Грейс (Казакевич), американской исследовательницы, которая жила и работала в СССР с 1949 по 1985 г., посвятив себя изучению положения рабов и неполноправных свободных в классической Греции. Ее «несоветский» марксизм мог существовать в СССР, что характеризовало и ее как исследователя, и советскую историческую науку периода «оттепели». Э. Грейс смогла реализовать себя как ученый в Институте истории (с 1968 г. – в Институте всеобщей истории) АН СССР, став, пусть и специфической, частью московской академической среды 50–80-х годов XX в.

Ключевые слова: Грейс (Казакевич) Эмили, советская историография, античность, рабство, «холодная война», «оттепель»

EMILY GRACE (EMILIYA L'VOVNA KAZAKÉVICH), AMERICAN CLASSICIST AND SOVIET HISTORIAN

Sergey G. Karpyuk

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
oxlos@yandex.ru

Abstract. The article analyses life and works of Emily Grace (Kazakévich), an American scholar who lived and worked in the USSR in 1949–1985. Emily Grace studied the status of slaves and free persons with limited rights in Classical Greece. The complex historico-

Карпюк Сергей Георгиевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

* Выражаю признательность всем очным и заочным участникам обсуждения (особенно С.Б. Криху и А.Л. Смышляеву) первоначального варианта статьи на семинаре «Античность в современности» в Институте всеобщей истории РАН 22 октября 2014 г. Особая благодарность Георгию Кантору за ценные замечания и рекомендации.

philological, legal and socio-economic analysis of the sources she used in her approach to the socio-economic problems, produced some brilliant results. Her “non-Soviet” Marxism could survive in the USSR, a fact which is characteristic both of her as a researcher and of the Soviet historical studies during “the Thaw” period. She exercised certain influence on the historians who were beginning their scholarly career in the 1950s and 1960s, who looked up to the informal authorities of the post-Stalinist epoch. She could realize her as a scholar at the Institute of History (Institute of World History since 1968) of the Academy of Sciences of the USSR and became a true member (though a specific one) of the Muscovite academic milieu.

Keywords: Grace Kazakévich Emily, Soviet historiography, antiquity, slavery, “cold war”, “the thaw”

Научное знание не может быть замкнутым, и наука не может развиваться исключительно внутри национальных границ — это аксиома. Циркуляция научных идей происходит и через публикации, и через общение ученых. Сейчас подобное общение является нормой, и оно в полной мере характерно и для российской исторической науки, но в какой мере подобная возможность существовала в советский период? Можно ли говорить о «закрытости» или «открытости» советской историографии античности? Вопрос о международных контактах советских ученых-античников интересен, и тут можно наметить некоторую динамику: от полной закрытости конца 40-х годов до контактов с коллегами из «стран народной демократии» (ежегодные международные конференции общества «Эйрене») и до активного участия в международных конгрессах историков (и организации XIII Международного конгресса исторических наук в Москве летом 1970 г.). Одной из важных характеристик национальной исторической школы является возможность (и стремление) принимать и абсорбировать представителей другой историографической традиции. И именно «холодная война» способствовала тому, что вопрос — может ли американский античник стать советским ученым — был поставлен в практическую плоскость.

«Холодная война», сопровождавшаяся чуть ли не самым жестким периодом идеологического зажима в истории СССР, безусловно, повлияла и на советскую историческую науку вообще, и на историографию античности в частности. Кампании по борьбе с «низкопоклонством» и «космополитизмом», все более жесткие постановления партийных и правительственных органов привели к печальным для развития науки результатам: с 1947 г. в ВДИ исчезают французский подзаголовок и резюме, с 1948 г. начинают публиковаться «ругательные» рецензии на западных («буржуазных») авторов, с 1949 г. из подавляющего большинства статей ВДИ пропадают ссылки на зарубежную научную литературу, тематика исследований зачастую сужается исключительно до изучения роли рабов и непосредственных производителей в древности. Ситуация начинает немного улучшаться в 1951–1952 годах, но опасения худшего сценария развития событий сохранялись вплоть до середины 1953 г.

Однако последствия любого исторического события неоднозначны, и одним из неожиданных последствий «холодной войны» стало появление в Москве, в Институте истории АН СССР замечательной американской исследовательницы Эмили Грейс (Эмили Львовны Казакевич), проработавшей в секторе древней истории более 30 лет (рис. 1, 2)¹. Само ее появление было совершенно неожиданным для

¹ Важнейший источник сведений о биографии и научной карьере Эмили Грейс — документы, хранящиеся в ИВИ РАН: Личное дело Э.Л. Казакевич 1953–1984.

сотрудников сектора. Весной 1953 г. заведующий сектором древней истории С.Л. Утченко представил ее коллегам, после чего Эмили Грейс на ломаном русском языке, который очень трудно было понять (читала она по-русски хорошо, но разговорной практики не было), пригласила коллег в гости, раздав приглашения, написанные от руки. Коллеги испугались (контакты с иностранцами в те годы, мягко говоря, не приветствовались) и не пришли².

Жизненный путь. Каким же образом Эмили Рэндолф Грейс (Emily Randolph Grace, 1911–1986), родившаяся в богатой семье нью-йоркского промышленника, оказалась в СССР?

Следует отметить, что к моменту получения советского гражданства Э. Грейс было 38 лет. Она прошла обучение по специальности «древнегреческий язык и литература» в знаменитом колледже Брин Мор (Bryn Mawr) в 1929–1934 годах (диплом бакалавра с отличием – 1933 г., магистерский – 1934 г.), продолжила обучение в Йельском университете, стажировалась в 1936–1937 гг. в Американской школе классических исследований в Афинах (рис. 3). Однако по возвращении в Нью-Йорк она отошла от изучения античности и занялась общественной деятельностью в различных организациях левого толка. Еще весной 1936 г. Эмили Грейс становится членом компартии США: в отличие от своего сверстника Мозеса Финли она никогда не скрывала своей причастности к этой партии. Впрочем, Э. Грейс никогда не занимала там высоких постов, выполняя обязанности секретаря по членским взносам и секретаря по культпросветработе в первичной парторганизации. Она изучала марксизм в рабочей школе в Нью-Йорке в 1938 и в 1941–1942 годах, освоила профессию технического редактора и с 1938 по 1941 г. работала в различных нью-йоркских журналах («Форчун», «Нью мэссиз») и издательствах³.

В 1942 г. (?) Эмили Грейс вышла замуж за Владимира Дмитриевича

Рис. 1. Эмили Грейс (Казакевич). 1959 г.

Рис. 2. Профсоюзный билет Эмили Грейс (Казакевич)

² Интервью М.К. Трофимовой, 11 апреля 2014 г.

³ Личное дело Э.Л. Казакевич 1953–1984. Л. 3, 3об.

Рис. 3. Эмили Грейс в молодые годы

Казакевича, обосновавшегося в США сына русского эмигранта⁴. Владимир Казакевич, выпускник Колумбийского университета, был активным участником общества друзей СССР, известным экономистом и популярным лектором. В 1943 г. Э. Грейс Казакевич научилась читать по-русски и вместе с мужем перевела на английский несколько советских работ по политэкономии социализма⁵. В это же время она принимала участие в сборе средств для помощи СССР, преподавала политэкономии и «Капитал» Маркса в рабочих школах Нью-Йорка.

Однако в 1944 г. она возвращается к изучению античности, в 1945 г. посещает занятия в Колумбийском университете. В 1945 г. в журнале «The American Review on the Soviet Union» Э. Грейс опубликовала большую обзорную статью «Изучение древней истории в Советском Союзе»⁶. В этой статье она подробно описала организации, в которых работали советские историки древнего мира, как

будто наметив место своей будущей работы – сектор древней истории Института истории АН СССР в Москве. Ее целью, очевидно, было изучение античной истории с марксистских позиций именно в СССР. В 1946–1947 годах Эмили Грейс в школе Джефферсона для рабочих в Нью-Йорке читала курс по «Капиталу» Маркса и преподавала древнюю историю⁷, была редактором протоколов секретариата Совета Безопасности ООН. Она продолжает сотрудничество с Колумбийским университетом, а также готовит в Йельском университете диссертацию по теме «Спарта Агиса и Клеомена: исследование античных письменных источников».

Обстановка в США менялась, началась «холодная война», «охота за красными». Ее мужу, Владимиру Казакевичу, экономисту, сыну белоэмигранта и активисту общества друзей СССР, грозило уголовное преследование, и он стремился получить советское гражданство и уехать из США⁸. 28 марта 1949 г. Эмили Грейс получает в посольстве СССР в Вашингтоне советский паспорт на имя Эмили Львовны Казакевич и выходит из компартии США, что, похоже, устраняет препятствия для защиты диссертации:

⁴ Его отец Дмитрий Петрович Казакевич после революции 1917 г. переехал в Харбин (Chashchin 2014, 324). О Владимире Казакевиче см. Accused Russian... 1950.

⁵ Accused Russian... 1950.

⁶ Grace Kazakévich 1945, 39–58. Другой американец, Хью Грэхем, охарактеризовал эту статью как написанную с «просоветских» позиций (Graham 1967, 92, n. 43). В недавнем интересном исследовании Ф. Найдена о деятельности М. Финли в годы войны авторство этой статьи ошибочно приписывается Хэрриет Мур (Naiden 2014, 253, n. 61).

⁷ [Vinogradov] 1991, 227–228 (заметка написана Ю.Г. Виноградовым).

⁸ Accused Russian... 1950. См. вступительную заметку Деборы Кэмен к посмертной публикации статьи Э. Грейс в 2008 г.: Grace Kazakevich 2008, 343–380 (с почти полной библиографией работ Э. Грейс).

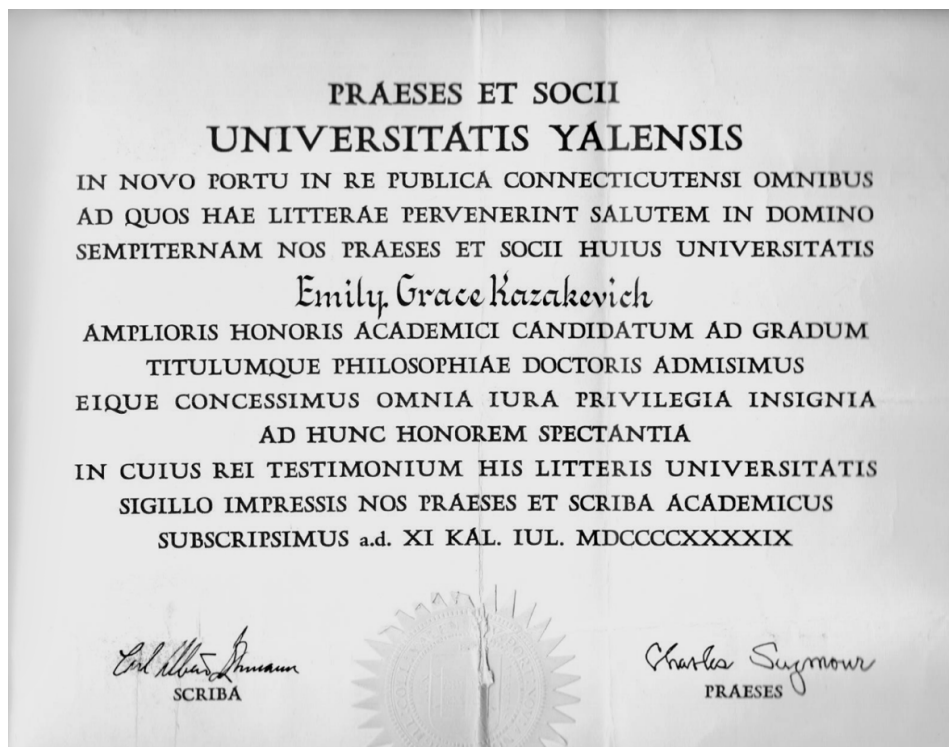

Рис. 4. Диплом «доктора философии» Йельского университета, выданный Эмили Грейс в 1949 г.

ее диплом «доктора философии» (PhD) Йельского университета датирован 21 июня 1949 г. («за 11 дней до июльских календ 1949 г.») (рис. 4)⁹. За две недели до этого, 5 июня, стало известно, что «бывший коммунистический курьер» Элизабет Бентли назвала Владимира Казакевича в числе других «русских шпионов»¹⁰. В сентябре 1949 г. Казакевичи покидают США. В октябре они уже в СССР, но их не оставляют в Москве, а отправляют на несколько месяцев «на испытательный срок» в Молотов (Пермь)¹¹.

С 21 января 1950 г. Э. Грейс в г. Молотове «заменяла работника библиотеки при Госуниверситете». О жизни в Перми, «в деревянном бараке», у Э. Грейс остались не самые лучшие воспоминания (свидетельство М.К. Трофимовой), работать по специальности она там не могла. Из личного дела следует, что она «с 1 сентября 1950 г. по 1 сентября 1951 г. числилась сотрудником Естественно-научного института при Молотовском университете с командировкой в Москву»¹². Затруднительно с определенностью утверждать, покидала ли Э. Грейс в этот период пределы СССР; возможно, в конце 1950 г. она встречалась со своей старшей сестрой Вирджинией, археологом-античником¹³, а ее муж, Владимир Казакевич, встречался в 1951 г. в Москве с канадским дипломатом Дж. Уоткинсом.

⁹ Личное дело Э.Л. Казакевич 1953–1984. Л. 5.

¹⁰ Miss Bentley... 1949.

¹¹ В автобиографии, датированной 7 апреля 1953 г., она пишет: «Приехала в СССР в первый раз в октябре 1949 г. Провела семь месяцев в гор. Молотове (с ноября 1949 по июнь 1950 г.). В Москве с июня 1950 г.» (Личное дело Э.Л. Казакевич 1953–1984. Л. 7).

¹² Личное дело Э.Л. Казакевич 1953–1984. Л. 3об.

¹³ «В последний weekend я встретила с Вирджинией, в первый раз за 26¾ лет!» (Письмо Э. Грейс Ю.Г. Виноградову из Найака, штат Нью-Йорк, 17 августа 1977 г. // СПбФ АРАН. Ф. 1124, оп. 2, д. 138. Л. 1). Благодарю И.В. Тункину и Н.А. Павличенко за любезную помощь в ознакомлении с письмом. Вирджиния Грейс постоянно жила в Афинах при Американской школе классических исследований. Кстати, Эмили Грейс в 1948–1949 годах была членом «Американского совета греческой демократии» (Личное дело Э.Л. Казакевич 1953–1984. Л. 8).

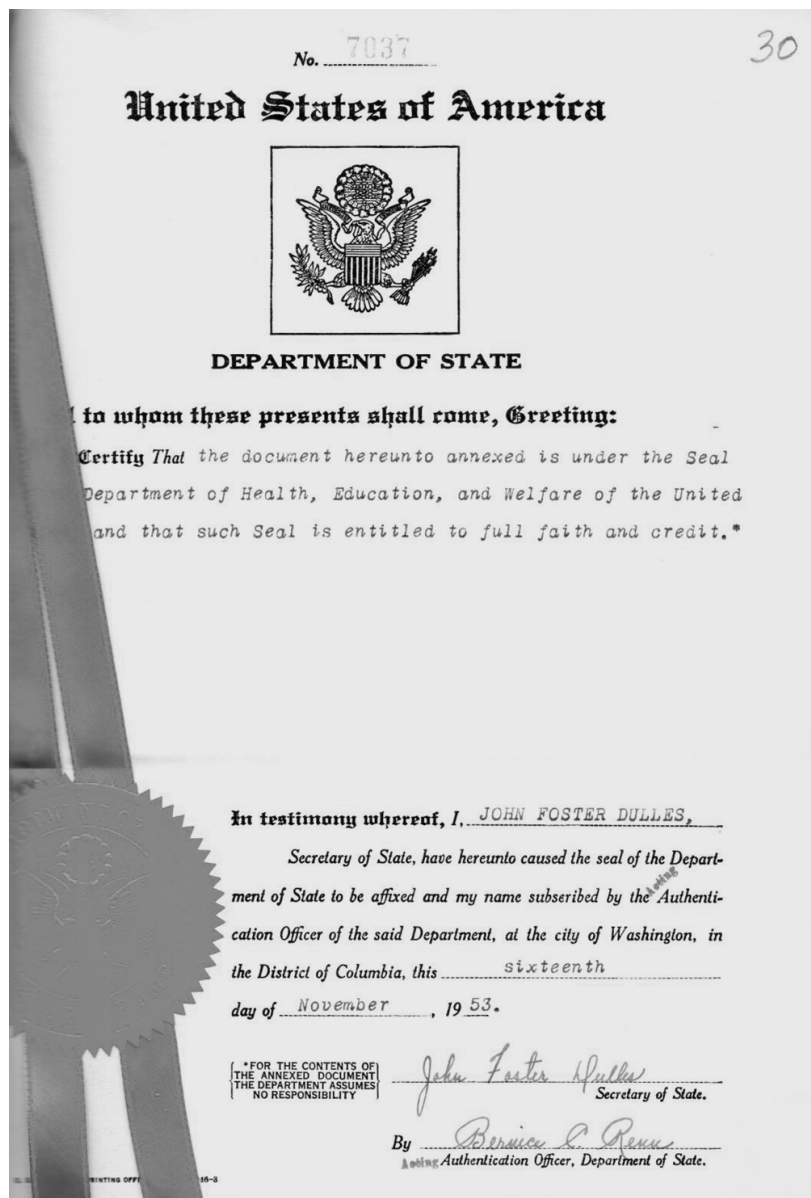

Рис. 5. Документ за подписью государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса, заверяющий дипломы Эмили Грейс. 1953 г.

В 1953 г. Казакевичам предоставили двухкомнатную квартиру в только что построенном доме на Ново-Песчаной улице. Причиной подобного перемещения могла стать возможность назначения послом Канады в Москве Джона Уоткинса, с которым Вл. Казакевич был знаком с 1930 г., со времени учебы в Колумбийском университете. Дж. Уоткинс в своих письмах из Москвы оставил воспоминания о быте и настроениях в семье Казакевичей — эти любопытные документы были опубликованы в конце 80-х годов в книге «Депеши из Москвы: внутри России времен “холодной войны”»¹⁴.

На следующий день после того, как о прибытии посла было объявлено в «Правде», ему позвонил Владимир Казакевич и от своего имени и от имени жены пригласил в «Гранд-отель» на ланч¹⁵, а затем предложил посетить его новую квартиру.

¹⁴ Watkins 1987.

¹⁵ Ресторан «Гранд-отеля» считался подходящим местом для мероприятий подобного рода: в конце апреля 1952 г. академик Греков устроил там банкет на сто персон в честь своего юбилея, что обошлось ему примерно в 13 тыс. рублей (Dmitriyev 1999, 124).

Эта встреча произошла 7 марта 1954 г.¹⁶ Квартира была предоставлена семье Казакевичей около года назад, и стройка вокруг еще продолжалась. Канадский посол не без оснований предполагал наличие в квартире прослушивающих устройств. Их дружба продолжалась; по свидетельству посла, Вл. Казакевич помог ему освоиться в Москве. «Мадам Казакевич не выглядела очень счастливой»; посол также обратил внимание на неприспособленность Э. Грейс к советскому быту: она только открывала «банки с бобами». С точки зрения канадца, профессорская зарплата (около 5 тыс. рублей) должна была обеспечивать безбедное существование. Оба работали на Волхонке, 14, где размещались гуманитарные институты АН СССР – Владимир – в Институте экономики, Эмили – в Институте истории. По ее словам, она в это время работала над обзором литературы по археологии древней Греции.

В действительности, всё было так, да не совсем. Приказом по Институту истории АН СССР от 7 апреля 1953 г., подписанному и.о. директора А.Л. Сидоровым, Э. Грейс была принята на работу на должность младшего научного сотрудника с 10 апреля с окладом 1200 рублей, что не намного превышало зарплату квалифицированных рабочих и служащих в Москве в тот период. Требовалось подтвердить документы об образовании; понятно, что никаких соглашений о взаимном признании дипломов и степеней между СССР и США тогда не было. В личном деле Э. Грейс в отделе кадров Института всеобщей истории РАН хранится поразительный пакет ее документов об образовании, который 16 ноября 1953 г. своей личной подписью заверил государственный секретарь США Джон Фостер Даллес (рис. 5)¹⁷, подпись Даллеса заверил советский консул в Вашингтоне Петров, а затем, взяв сбор в размере 3 руб., поставил свою подпись и московский нотариус. В результате Э. Грейс 24 сентября 1955 г. была присуждена ученая степень кандидата исторических наук¹⁸.

Э. Грейс сразу и с энтузиазмом приступила к работе: она сделала доклад об особенностях социально-экономической структуры греческого общества в свете теории К. Маркса¹⁹. В ВДИ с 1954, № 2 по 1955, № 1 публикуется русский перевод юстиновской эпитомы сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*», где Э. Грейс стала одним из авторов комментария (совместно с М.И. Рижским). После завершения этой работы Э. Грейс пишет серию важных статей, посвященных правовым аспектам рабства в Аттике, самая ранняя из которых появилась в ВДИ, 1956, № 3 (первая научная статья исследовательницы на русском языке). В середине 1950-х годов, когда сектор древней истории завершил работу над «Всемирной историей», Э. Грейс вместе с Я.А. Ленцманом выступила с предложением издать серию книг по истории античного рабства и написала проспект этого издания²⁰. Эта серия, между прочим, со временем стала «визитной карточкой» советской историографии на Западе.

Некоторые советские востоковеды своей известностью за пределами СССР во многом обязаны Э. Грейс: она перевела на английский язык их доклады на XXV

¹⁶ Письмо № 284 от 6 мая 1954 г. (Watkins 1987, 27).

¹⁷ Можно ли этот факт расценивать как символ некоторого потепления отношений между двумя сверхдержавами (к тому времени уже было заключено перемирие в Корее), или перед нами выдающийся образец бюрократической рутины, судить не берусь. Кстати, Вирджиния Грейс, старшая сестра Эмили, работала во время войны под началом Аллена Даллеса, младшего брата Джона Фостера Даллеса (см. Allen 2011).

¹⁸ Личное дело Э.Л. Казакевич 1953–1984. Л. 1об.

¹⁹ [Vinogradov] 1991, 227.

²⁰ [Vinogradov] 1991, 227.

Международном конгрессе востоковедов, который проходил в Москве в 1960 г., объемом 20 п.л., за что получила премию в размере 1000 руб.²¹ Наконец, в 1961 г. она была представлена, а 16 ноября 1962 г. утверждена в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности «всеобщая история»²².

Тяжелая личная драма (измена мужа) и попытка самоубийства в середине 60-х годов на четыре года прервали публикационную активность Э. Грейс²³. С 1967 г. в ВДИ, по инициативе С.Л. Утченко, появляются резюме статей на английском языке, которые неизменно переводила Э. Грейс. Ее статья 1968 г., как и все последующие, уже была подписана собственной фамилией, а не фамилией бывшего мужа²⁴. Хотя этот научный труд формально не отступает от темы рабовладения, посвящен он проблеме конкубината в классических Афинах, являя поразительный пример влияния жизненного пути историка на ее творчество²⁵. Стоит привести две цитаты из этой блестящей статьи, во многом предвосхитившей гендерные штудии конца XX в. в США и Европе и, к слову, отличавшейся от них гораздо меньшей идеологической ангажированностью. Характерно уже начало статьи: «Вопрос о правовом положении женщин, обозначающихся термином *παλλακή*, неотделим по существу от целого ряда других вопросов...», а в соответствующем примечании подробнейшим образом рассматривается вопрос о том, насколько русское слово «наложница» передает греческое *παλλακή*²⁶. И в завершении статьи: «Несомненную же *παλλακή* в городской квартире (*sic!*) Филоней приходится оставить в неопределенном *de jure* положении... Но раз она утвердилась в его доме в качестве *παλλακή*, Филоней стал по отношению к ней полновластным распорядителем, хотя в речи “Против мачехи” он не назван ни ее *δεσπότης*, ни ее *κύριος* и, может быть, формально говоря, не был ни тем, ни другим»²⁷.

В дальнейшем Э. Грейс продолжала публиковаться как в ВДИ, так и в научных изданиях стран «народной демократии» – «Eirene», «Klio». Последняя прижизненная публикация исследовательницы – статья 1977 г. в номере ВДИ, посвященном памяти С.Л. Утченко. В 1977 г. она выезжала на время в США, встречалась с родными. Э. Грейс продолжала переводить резюме для ВДИ и после выхода на пенсию 1 октября 1984 г. Она вернулась на родину (во всех анкетах в графе «национальность» она писала «американка») в 1985 г., умерла в 1986 г.

Общество вокруг. Излюбленная тема как отечественных, так и зарубежных исследователей советской историографии – взаимосвязь политики (господствующей идеологии) и науки. Характерно название одной из последних работ Хайнца Хайнена: «Расцвет и упадок советских исследований о рабстве: очерк о взаимосвязи политики и науки»²⁸. Подобный подход имеет как источниковедческие, так и исторические предпосылки. Связь изменений в исторической науке с указаниями вождей, партийными и правительственными постановлениями, решениями съез-

²¹ Не случайно И.М. Дьяконов впоследствии настаивал на том, чтобы резюме его статей переводила именно Эмили Грейс (интервью В.Н. Илюшечкина, 12 апреля 2015 г.).

²² Личное дело Э.Л. Казакевич 1953–1984. Л. 1об.

²³ В автобиографии 1974 г. Э. Грейс характеризовала свое семейное положение так: «Разведена. Вся семья находится в США» (Личное дело Э.Л. Казакевич 1953–1984. Л. 6об.).

²⁴ Grace (Kazakevich) 1968, 28–52.

²⁵ О борьбе антропологической и концептуалистской парадигм в современной отечественной историографии см. Krikh, Metel 2014a, 159–166.

²⁶ Grace (Kazakevich) 1968, 28.

²⁷ Grace (Kazakevich) 1968, 52.

²⁸ Heinen 2014.

дов правящей партии очевидна и наглядна: ученые-гуманитарии эпохи «репрессанса», как раннего (довоенного), так и позднего (конца 40-х — начала 50-х годов), вынуждены были чутко реагировать на приказы и сигналы сверху; от этого прямо зависела их выживаемость, причем не только в профессии (вспомним хотя бы знаменитый анекдот: «я ему цитату, а он мне ссылку»). Даже параллельное описание директив сверху и реакции на них в университетах и в АН СССР, особенно если оно сделано на основе архивных документов, дает яркую картину «прямого воздействия» власти на науку (см., к примеру, интересное исследование П.А. Дружинина о разгроме ленинградской филологии в конце 40-х годов²⁹).

Однако даже в тот поистине мифический период историки-античники (как, например, и другие представители гуманитарной науки в СССР) находили возможности для своего рода самостоятельности; они, возможно, даже сделали попытку запрыгнуть в телегу впереди лошади: им удалось предугадать особую роль рабских восстаний для новой идеологической схемы и, в каком-то смысле, инициировать сталинскую идею о революции рабов в древности³⁰. С другой стороны, историки-античники пытались минимизировать ущерб от резких движений власти, используя защитную функцию передовиц в ВДИ.

С конца 50-х, а особенно в 60-х годах советское общество претерпевает существенные изменения. Возникают, по терминологии социологов, «городские микромиры», для которых уже характерен принцип самостоятельности личности, ценности общения индивидов как индивидов³¹. Прекрасный образец подобного интеллигентского микромира — компания ленинградских античников, собиравшаяся у Д.П. Каллистова³². Партийно-правительственные постановления не оказывали существенного воздействия на подобную аудиторию, неформальные ценности (в том числе и в научной сфере), безусловно, преобладали. Поэтому несколько наивным выглядит удивление Х. Хайнена о затухании исследований по античному рабству в СССР в 60–70-е годы, несмотря на включение их в семилетний план и отсутствие заметного политического давления в этой сфере³³.

Итак, с 1953 г. Э. Грейс жила в Москве, работала в академическом институте; уже по этим параметрам ее жизнь существенно отличалась от жизни большинства советских граждан. Москва в те годы была одним из немногих советских городов, где поддерживался приемлемый по советским меркам уровень снабжения продовольственными и промышленными товарами. Москва была мегалополисом, пусть во многом противоположным, но в чем-то, безусловно, понятным жителю Нью-Йорка (в 1959 г. население Москвы превысило 6 млн., в 1970 г. — 7 млн. человек). Гуманитарные академические институты располагались тогда в здании на улице Волхонка, дом 14. Вл. Казакевич должен был отмечаться в Институте экономики

²⁹ Druzhinin 2012.

³⁰ Krikh 2013, 117–123.

³¹ Werth 1998, 459–460, со ссылкой на О. Яницкого.

³² Frolov 2013, 444–445.

³³ Heinen 2014. И вряд ли ученые-античники, к примеру, всерьез обратили внимание на доклад видного партийного деятеля академика Л.Ф. Ильичева на общем собрании Академии наук СССР 19–20 октября 1962 г. Докладчик призывал «выкорчевать последствия культа личности в общественно-научной области, восстановить и развить дальше ленинский стиль», но при этом не идти на поводу у буржуазных ученых (Kiselev, Shchapov 1996, 493), а также утверждал: «Ликвидировать последствия культа личности в общественно-научной области — значит изменить саму атмосферу научной работы, сделать ее по-настоящему творческой» (Kiselev, Shchapov 1996, 493–494).

Распределение рабочих и служащих по отраслям
народного хозяйства в Москве, в %

Отрасли	1940	1970	1977
Промышленность	43,7	30,3	27,4
Наука и научное обслуживание	4,8	17,6	19,2
Искусство	0,8	0,5	0,6

Источник: Москва. Энциклопедия. М., 1980. С. 42.

каждый день, утром и вечером, но между этим мог либо читать в академической библиотеке иностранную прессу, либо даже посещать Третьяковскую галерею. Эмили могла приезжать в институт только в присутственные дни, причем не обязательно утром, дорога на троллейбусе и метро занимала, по свидетельству Вл. Казакевича, 40 минут³⁴. Это были очень существенные привилегии, если учесть, что до 1956 г. действовало постановление от 26 июля 1940 г., согласно которому любой случай неоправданного отсутствия на работе подлежал рассмотрению в народном суде³⁵. Зарплата старших научных сотрудников академии, как и университетской профессуры, была в 50-е годы существенно (в разы) выше средней по стране. Но этот разрыв (как и неравенство в доступе к пенсионному и медицинскому обеспечению) постепенно сокращался; отчасти это было связано с процессом роста штатов научных учреждений в СССР. Труд в науке становился все более массовым (табл. 1).

Для сотрудников Института истории этот процесс нашел зримое выражение в переезде в новое здание – типовой четырехэтажный кирпичный корпус на 1-й Черемушкинской улице (ныне ул. Дм. Ульянова, 19). Переезд происходил летом 1960 г. (новый адрес впервые появляется в ВДИ, 1960, № 3, который был подписан в печать с большим опозданием – 13 сентября 1960 г.). Рядом, на той же улице Дм. Ульянова, для сотрудников Академии наук строились жилые дома. Достаточно быстро, в октябре 1962 г., рядом с институтом появилась и новая станция метро – «Академическая». Штат Института истории АН СССР перед разделением на два института в 1968 г., по воспоминаниям современников, достигал 700 сотрудников. Оказывали ли эти обстоятельства влияние на направление научных поисков? В какой-то мере оказывали. Впрочем, сама Э. Грейс не часто появлялась в институте.

Следует отметить еще одну важную особенность академической среды. В послевоенный период в гуманитарных академических институтах в Москве преобладали женщины. «Гендерная революция» в советской гуманитарной науке произошла на десятилетия раньше, чем в Европе и в США. На то были разные причины: и законодательно оформленное равноправие, и огромная убыль мужского населения (на 1000 мужчин в Москве приходилось 1047 женщин в 1926 г., 1347 женщин в 1959 г., 1275 женщин в 1970 г.), и большая престижность «физиков», а не «лириков» в эти годы. Почти половина научных статей по античности в ВДИ (среди московских авторов) на рубеже 50–60-х годов была написана женщинами. Впрочем, ситуация в Ленинграде и в провинции была принципиально иной (табл. 2). По данному показателю эти годы не сильно отличались от любого другого периода послевоенной советской истории (табл. 3). Совсем не случайно, что 9 из 17 глав

³⁴ Watkins 1987, 26–32.

³⁵ Werth 1998, 254.

(53%) знаменитого двухтомника «Античная Греция» (М., 1983), который, по сути, подводил итоги развития советской историографии истории древней Греции, были написаны женщинами-исследовательницами, а среди членов редколлегии этого издания женщины составляли 75% (трое из четверых). Конечно, к такому соотношению можно относиться по-разному³⁶, и вопрос требует, безусловно, специального анализа. Можно только отметить, что именно эта среда помогала Э. Грейс преодолевать трудности адаптации в чужой стране.

Таблица 2

Статьи по античности в журнале «Вестник древней истории»
в 1959–1963 годах

	Всего	Авторы-мужчины	Авторы-женщины
Статьи, Москва	60 (54,5%)	31 (51,7%)	29 (48,3%)
Статьи, Ленинград	29 (26,4%)	22 (75,9%)	7 (24,1%)
Статьи, провинция	21 (19,1%)	15 (71,4%)	6 (28,6%)
Статьи, все	110	68 (61,8%)	42 (38,2%)

Таблица 3

Доля научных публикаций (статей и рецензий) по античности советских
и российских женщин-исследовательниц в журнале «Вестник древней истории»

Вестник древней истории	Публикации	Доля женщин (общая)	Публикации москвичей	Из них доля женщин	Публикации немосквичей	Из них доля женщин
1937–1941	114	10,5%				
1953–1956	206	31,6%	103 (50%)	39,8%	103 (50%)	23,3%
1959–1962	183	36,1%	100 (54,6%)	43,0%	83 (46,4%)	27,8%
1971–1974	209	36,8%	108 (51,7%)	38,0%	101 (48,3%)	35,6%
1995–1998	198	22,7%	144 (72,7%)	24,3%	54 (27,3%)	18,5%

Между тем в середине 50-х годов «оттепель» вступала в свои права. Жизнь советских граждан стала значительно более открытой. В передовой статье ВДИ, посвященной претворению в жизнь решений XX съезда КПСС, подчеркивалось, что возросло международное значение работ советских историков, которые переводятся на иностранные языки. И далее следовало утверждение, немислимое для прошедшей эпохи «культ личности»: «Крепнут личные дружеские связи наших и зарубежных ученых»³⁷.

Время научного расцвета Э. Грейс совпало со временем расцвета советской науки в конце 50-х – 60-е годы. Конечно, антиковедение было далеко не самой передовой отраслью знаний, но флюиды доходили и до античной истории, и до классической филологии³⁸. Не случайно американские научные журналы открывали в те годы свои страницы обзорами советских публикаций по античности³⁹, а в университете штата Индиана летом 1960 г. устроили трехнедельный эксперимент по обучению американских студентов латинскому языку по учебнику А.Н. Попова

³⁶ А.А. Формозов, к примеру, совсем не политкорректно отзывался о последствиях женского засилья в Институте археологии АН СССР (Formozov 2011, 67).

³⁷ Editorial 1956, 4.

³⁸ Впрочем, по мнению авторитетного немецкого исследователя, эти успехи были ограниченными и кратковременными (Heinen 2014).

³⁹ Graham 1961b, 205–213.

и П.М. Шендяпина⁴⁰. Уж во всяком случае в исследовании социально-экономических проблем древности, по мнению западных ученых, советская наука занимала сильные позиции. Западноевропейские и американские ученые, не владевшие в достаточной степени русским языком, могли, впрочем, и преувеличивать достижения советских античников, стремясь усилить внимание к исследованиям в своих странах⁴¹.

Московская гуманитарная среда была достаточно терпимой; число исследователей, придерживавшихся марксистских взглядов не для проформы, постепенно уменьшалось, распространялся либерал-конформизм, процветало вполне безыдейное приспособленчество. Тем более это касалось среды историков древности: согласно справедливому взгляду со стороны, ВДИ «отчасти предоставлял убежище человеческому любопытству в областях, которые, с точки зрения политики, были сравнительно безопасны»⁴². В конце 50-х – первой половине 60-х годов существовали иллюзии о возможности эволюции в сторону «социализма с человеческим лицом», которые окончательно развеялись только после вторжения советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. Существовало очевидное недовольство догматизмом, «неправдой» в исторических исследованиях, свидетельством чему стало известное стихотворение Бориса Слуцкого «Институт». Критика, недовольство существующим положением вещей, стремление его поменять – стимулирующая среда для успешного развития гуманитарного научного творчества.

Для Э. Грейс было очень важно общение с американскими друзьями и коллегами, хотя бы по переписке. В разговоре с Дж. Уоткинсом в 1954 г. она выражала сожаление о том, что друзья ей пишут гораздо реже, чем четыре года назад, сразу после переезда в СССР⁴³. И позже, в середине 1970-х, она активно переписывалась с американскими коллегами, отправила известному американскому антиковеду Р. Страуду машинописный экземпляр перевода на английский статьи, опубликованной ею в ВДИ в 1960 г.⁴⁴ Но наиболее важна была для нее переписка со старшей сестрой Вирджинией, знаменитым американским археологом, выдающимся исследователем амфорных клейм, которая была для Эмили безусловным авторитетом⁴⁵. В сохранившемся в архиве Ю.Г. Виноградова письме она специально указала на несправедливую, по мнению Вирджинии, критику ее работ молодым советским ученым⁴⁶.

⁴⁰ Graham 1961a, 252–253. См. подробно: Karpyuk, Kulishova 2015.

⁴¹ Известный американский историк Честер Старр писал в 1960 г. в «*Journal of Roman Studies*», ведущем журнале по истории древнего Рима: «В большей части Европы и в странах европейской культуры по всему миру существенное сокращение классического образования (classically based education) должно привести к сокращению числа людей, которые могут иметь независимый взгляд на древний мир. И если коммунистическая Россия действительно представляет мир будущего, каковым он себя провозглашает, те из нас, которые изучают древний Рим, могут получить утешение от растущего интереса русских ученых к этой области знаний» (Starr 1960, 160).

⁴² Американский ученый почему-то считал при этом, что ВДИ стал издаваться с 1948 г. (Starr 1960, 150).

⁴³ Watkins 1987, 30.

⁴⁴ Grace Kazakévich 2008, 344.

⁴⁵ Koehler 1996. В 1989 г. Вирджиния Грейс получила золотую медаль за выдающиеся достижения в области археологии от Американского Археологического института. О ней см. Immerwahr 1996.

⁴⁶ Письмо Э. Грейс Ю.Г. Виноградову из Найака, штат Нью-Йорк, 17 августа 1977 г. // СПбФ АРАН. Ф. 1124, оп. 2, д. 138. Л. 1–1об.

Научное наследие. Сама Эмили Грейс не одобряла присутствие в научных статьях не относящихся к науке сентенций; своего учителя и оппонента У.Л. Уэстерманна она критиковала за «лирическое заключение», касавшееся положения рабов в Афинах⁴⁷. Поэтому стоит удалиться от лирики и перейти к научному наследию Эмили Грейс. Это тем более важно, что некоторые современные американские исследователи жизни и творчества Мозеса Финли относятся к трудам Эмили Грейс с некоторым пренебрежением: Ф. Найден решительно отказывается верить, что Э. Грейс могла быть автором подписанного ею обзора советских работ по истории древности 1945 г.⁴⁸, а Д. Томпкинс так описывает научную деятельность исследовательницы: «Кзакевич привез свою жену Эмили Грейс Кзакевич... в Москву, где она провела свою жизнь, описывая Демосфена. Она регулярно переписывалась с Финли»⁴⁹.

Первая, еще студенческая, работа Эмили Грейс, написанная в соавторстве, посвященная описанию коллекции монет Ахейского союза в собрании Йельского университета, была опубликована Американским нумизматическим обществом еще в 1936 г. За время работы в секторе древней истории Эмили Грейс написала 10 статей для ВДИ, 2 – для «Eirene», 1 – для «Klio», 1 – для сборника «Античное общество», вышедшего в 1967 г. (публикационный период – 1956–1977 гг.). Статьи для ВДИ были написаны на русском языке, для других журналов – на английском. Книга Э. Грейс «Рабы и свободные неграждане, обвиненные в убийстве по афинскому праву и “Законам” Солона», написанная на английском языке (она собиралась издать ее в Праге), так и осталась неопубликованной⁵⁰. Уже посмертно была опубликована, по инициативе Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Г. Виноградова, небольшая ее часть «Ксен, обвиненный в убийстве по афинскому праву» (ВДИ, 1992, № 4 и 1993, № 1, в переводе Л.В. Семенченко). В рамках одной статьи невозможен анализ всего творческого наследия Э. Грейс, и поэтому были выбраны три знаковые статьи периода расцвета ее творчества: «Были ли рабами οἱ χορὶς οἰκοῦντες?», «О рабах-агентах в Афинах» и «К полемике о восстании Савмака»⁵¹.

Первая из них посвящена достаточно частному вопросу о социальной идентификации группы населения Аттики, которую Демосфен в «Филиппике» (IV. 36) обозначил как «живущие отдельно»; по мнению оратора, в сложной внешнеполитической ситуации, в которой оказались Афины, их следовало бы призвать в афинский флот. Как обычно в подобных случаях, это место пытались истолковать поздние лексикографы: автор II в. н.э. Гарпократион и византийский компилятор глоссария «Риторические высказывания». «Гарпократион высказал мнение, что “живущие отдельно” были вольноотпущенниками; второй лексикограф, уже византийской эпохи, повторив это определение, предложил альтернативное истолкование, по которому этот термин относился к рабам, живущим отдельно от своих владельцев»⁵². Соответственно, уже в современной научной литературе мнение Гарпократиона отстаивал Г. Бузольт, а У.Л. Уэстерманн и некоторые другие ученые «относят название “живущие отдельно” к тем рабам в Аттике, которым позволялось иметь собственное предприятие, зарабатывать деньги для себя, пользуясь при этом в значительной мере экономической самостоятельностью и другими привилегиями, в качестве не последней из которых упоминают право жить отдельно от владельца»⁵³.

⁴⁷ Kazakevich 1960, 30, прим. 22.

⁴⁸ Naiden 2014, 253, n. 61.

⁴⁹ Tompkins 2014, 126, n. 72. Ср. Tompkins 2013.

⁵⁰ [Vinogradov] 1991, 228.

⁵¹ Kazakevich 1960, 23–42; 1961, 3–21; 1963, 57–70.

⁵² Kazakevich 1960, 23.

⁵³ Kazakevich 1960, 23–24.

Для доказательства рабского статуса «живущих отдельно» исследователи произвольно сопоставляли их с ἀνδράποδα μισθοφόρου (выражение, которое лишь дважды употребляется в текстах классического периода), и Э. Грейс выступила против столь свободного обращения с языком источников, выразив удивление по поводу того, почему для У.Л. Уэстерманна значение термина «живущие вместе» не являлось проблемой⁵⁴. Исследовательница ставит под сомнение саму основу выводов У.Л. Уэстерманна: она рассматривает, обозначало ли выражение «живущие отдельно» в данном контексте рабов, и приходит к однозначному мнению, что они не могли быть ни рабами, ни вольноотпущенниками⁵⁵. Поскольку «живущие отдельно» не могут быть ни гражданами (которые упоминаются в том же пассаже Демосфена), ни метеками, «живущими вместе» с гражданами, то речь может идти о какой-то группе свободных неграждан (возможно, о жителях Оропа), но для более точного определения требуется дополнительное исследование. В конце статьи Э. Грейс высказывает важный дополнительный вывод — о небольшом количестве привилегированных рабов в Аттике классического времени⁵⁶.

Что можно сказать об этой статье сейчас? Статья предназначена для исследователей, которые «в теме»: первое точное указание на основные источники дается только на с. 34 (статья начинается со с. 23), т.е. когда читатель осилил уже 2/3 основного текста. Конечно же, поражает тщательный анализ источников. Важное значение имеет приложение «Показание источников о двух формах дохода, получаемого с рабов», в котором приводится и греческий текст, и авторский перевод. Только в одном случае (речь идет о Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политике») она приводит перевод С.И. Радцига, объясняя это так: «Точное значение этого текста я пока не берусь установить. Поэтому даю не свой перевод (так как всякий перевод неизбежно является вместе с тем и истолкованием)...»⁵⁷. Конечно, Э. Грейс в статье 1960 г. вполне в духе интересов советских историков той эпохи указывала на «рабовладельческий образ мысли» древних греков, при котором раб рассматривается как вещь⁵⁸; впрочем, такую точку зрения никак нельзя признать ненаучной.

В полемике Э. Грейс использовала тонкую иронию, а не грубую критику: «У.Л. Уэстерманн, очевидно, целился очень высоко: ни больше, ни меньше, как пытался смягчить чересчур жесткие отзывы древних о рабстве в греческих полисах»⁵⁹. Важно отметить, что исследовательница не опубликовала в ВДИ ни одной рецензии. Ее подписи нет под знаменитой коллективной рецензией 1958 г. на труд У.Л. Уэстерманна⁶⁰, хотя Я.А. Ленцман в своей части рецензии неоднократно ссылался на ее мнение⁶¹.

⁵⁴ Kazakevich 1960, 24–25, 28.

⁵⁵ Kazakevich 1960, 31–37.

⁵⁶ Kazakevich 1960, 40.

⁵⁷ Kazakevich 1960, 42.

⁵⁸ Kazakevich 1960, 26.

⁵⁹ Kazakevich 1960, 30.

⁶⁰ Korsunskyi *et al.* 1958, 136–158. Тема античного рабства была настолько важна для советской историографии, что на небольшую книжку 1955 г. издания объемом 180 страниц, которая, в сущности, была не очень глубокой переработкой статьи из энциклопедии Паули–Виссова (6-й дополнительный том 1935 г. издания), пять советских авторов написали рецензию объемом свыше 22 больших страниц петитом (примерно 89 500 знаков с пробелами, т.е. свыше 2,2 авторских листов). О «технике рецензирования» в ВДИ см. Krikh, Metel 2014b, 61–85; к сожалению, эта эпохальная рецензия не заинтересовала омских исследователей.

⁶¹ Korsunskyi *et al.* 1958, 140, прим. 9; 144, прим. 19; 146, прим. 27.

Я.А. Ленцман утверждал, что «порочна не только концепция автора, но и методика исследования источников»⁶². Очевидно, Э. Грейс, критически оценивая книгу американского ученого, возражала против «навешивания ярлыков» на одного из своих учителей. Сам Я.А. Ленцман указывал, что в более ранней работе Э. Грейс «возражала против моей характеристики концепции Уэстерманна, как “принимающей местами согласно “духу времени” ярко выраженный фашистский характер” (слова, отмеченные курсивом, к сожалению, пропущены в цитате у Э.Л. Казакевич)»⁶³. Для Э. Грейс главный авторитет — наука. Точка зрения исследователя не может быть признана «устаревшей», если его взгляды хорошо аргументированы. Она, к примеру, ссылается и на вековой давности исследование М.С. Куторги, рассматривает его взгляды наряду с другими точками зрения⁶⁴.

Именно вопрос о «живущих отдельно» запутывал проблему форм эксплуатации рабов в классических Афинах, и именно к ней Э. Грейс обращается в своей следующей статье «О рабах-агентах в Афинах»: «Существенная, исторически значимая линия различия проходит не между рабами, которые жили вместе со своими господами, и теми, которые жили отдельно, но скорее между разными формами, в которых выражался доход рабовладельца, получаемый от эксплуатации его раба. Развитие форм эксплуатации в некоторых случаях привело к появлению такого типа отношений, которые позволяли рабу иметь определенную степень личной и экономической независимости; но этот результат был побочным следствием поисков рабовладельцами более выгодных методов использования своей собственности»⁶⁵. В статье рассматривается использование рабовладельцами рабов-управляющих (Э. Грейс использует юридически и экономически более подходящий термин: «рабы-агенты»). Автор приходит к выводу, что «использование рабов в качестве агентов, уполномоченных вести дела господина в его отсутствие, мне представляется чисто рабовладельческим решением проблемы, каким образом при данном уровне экономического развития расширять предпринимательскую деятельность и наживать все большую и большую прибыль»⁶⁶. Таким образом, от статьи к статье складывается концепция использования рабского труда в классической Греции. Статьи Эмили Грейс, посвященные реальному положению и статусу зависимого населения Аттики, составили общую картину; их широко использовали и отечественные, и зарубежные исследователи⁶⁷.

В 1963 г. ВДИ в порядке дискуссии публикует статью Э. Грейс «К полемике о восстании Савмака»⁶⁸. Тема восстания Савмака живо волновала советских историков древности в течение трех десятилетий; она удостоилась подробного историографического рассмотрения и в нашей стране, и за рубежом⁶⁹, но, поскольку новое поколение исследователей может и не подозревать о ее значимости, вкратце перескажу суть вопроса.

Еще в 1885 г. В.В. Латышев в первом томе «Надписей Северного Причерноморья» поместил херсонесский декрет II в. до н.э. в честь полководца Диофанта

⁶² Korsunskyi *et al.* 1958, 146.

⁶³ Korsunskyi *et al.* 1958, 140, прим. 9.

⁶⁴ Kazakevich 1960, 35.

⁶⁵ Kazakevich 1961, 3.

⁶⁶ Kazakevich 1961, 21.

⁶⁷ Finley 1959; 1973.

⁶⁸ Kazakevich 1963, 57–70.

⁶⁹ Вплоть до последних десятилетий сохраняются разногласия по поводу оценки степени научности гипотезы С.А. Жебелёва (Gavrilov 1992, 52–73).

(IOSPE I, 352), в котором упоминалось, что во время пребывания Диофанта в Боспорском царстве «скифы с Савмаком во главе устроили мятеж и убили вскормившего его боспорского царя Перисада, а против него самого составили заговор»; Диофант сумел справиться с этим заговором и захватил Савмака⁷⁰. В 1933 г. находившийся под сильным давлением властей академик С.А. Жебелёв сделал замечательное открытие, что Савмак, восставший против «вскормившего» его царя Перисада, был на самом деле домашним рабом и, соответственно, это событие можно интерпретировать как первое восстание рабов на территории СССР. В 1948 г. при подготовке «Корпуса боспорских надписей» к переизданию С.Я. Лурье высказал абсолютно обоснованное предположение, что греческое αὐτόν («его») в данной надписи относится к Диофанту, обнародовав свою интерпретацию на сессии по истории Крыма в Симферополе. Понятно, что при подобном прочтении восстание рабов исчезало.

Академик В.В. Струве в 1950 г. выступил с поддержкой «генеральной линии» и предложил довольно странное прочтение αὐτοῦς («их»), будто бы царь Перисад «вскормил» огромную массу восставших против него скифов. С.Я. Лурье к тому времени уже был обвинен в космополитизме, уволен со всех должностей и вынужден был покинуть Ленинград. Соответственно, ответить он не мог, но в разгар оттепели «...в 1957–1958 гг. предложил “Вестнику древней истории” статью о декрете в честь Диофанта»⁷¹. После отказа в публикации в Москве статья была напечатана по-польски в журнале «Meander» в 1959 г. Полемика продолжалась, и в ВДИ была опубликована статья В.Ф. Гайдукевича «Еще раз о восстании Савмака» (1962, № 1, с. 3–23), в которой доказывалось, что восстание было скифским, хотя его руководитель Савмак был дворцовым рабом.

Э. Грейс сочла нужным ответить на статью В.Ф. Гайдукевича, хотя Северное Причерноморье лежало вне сферы ее научных интересов. Она прочитала статью С.Я. Лурье в оригинале (по ее просьбе автор прислал ей русский текст) и, по существу, солидаризовалась с его основным выводом: «Как мне представляется, любому свежему читателю приведенных выше строк, т.е. такому, который читает этот текст не сквозь призму уже “принятых” взглядов, трудно избежать впечатления, что “воспитанником” Перисада был не Савмак, а Диофант»⁷². Часть доводов С.Я. Лурье, основанных на статистике употребления αὐτός в надписях, она не считает полностью убедительными, но полагает, как и С.Я. Лурье, что использование местоимения αὐτόν в рамках оборота μέν... δε доказывает, что оно относится к одному и тому же человеку, т.е. к Диофанту⁷³. Доводы оппонентов С.Я. Лурье рассматриваются как не основанные на филологическом анализе текста и поэтому неубедительные. При этом Э. Грейс не отвергает их огульно, а рассматривает основные аргументы В.В. Струве и В.Ф. Гайдукевича, подбирая убедительные аргументы против, а в чем-то и соглашаясь с ними (например, с В.Ф. Гайдукевичем о скифском характере восстания). Вывод Э. Грейс однозначен: «В одном довольно существенном отношении картина, нарисованная В.Ф. Гайдукевичем на этих последних страницах его статьи, представляется странно искривленной. По его реконструкции выходит, что движением, главной и решающей силой которого были, хотя и зависимые, но юридически свободные земледельцы, руководил дворцовый

⁷⁰ Lurie 2004, 201.

⁷¹ Lurie 2004, 204.

⁷² Kazakevich 1963, 58.

⁷³ Kazakevich 1963, 58–60.

раб. Имеются ли аналогии для такой, я бы сказала, нетипичной для античности комбинации?... Если аналогий нет, то не нужно ли еще продумать и серьезно аргументировать данную гипотезу? Но я, конечно, порекомендовала бы иной выход, и именно, – признать за факт, что нет оснований считать Савмака рабом»⁷⁴.

Но, кроме «основной линии» статьи, в ней содержится немало интересных наблюдений, в частности, о допустимости социальных реконструкций на основании ограниченного круга источников. Изумляясь суровой оценке В.Ф. Гайдукевичем реконструкций С.Я. Лурье (которые отнюдь не выглядели фантастическими на фоне его собственных), Э. Грейс писала: «Если же настаивать на необходимости наличия опоры в реальных данных до того, как “вообще серьезно обсуждать” такие предположения, которые выдвинул здесь С.Я. Лурье и которые выдвигали до него многие другие историки по разным загадочным вопросам, то, я боюсь, мизерно мало можно будет написать об истории целого ряда античных государств, и историография по таким областям должна будет ограничиться, в лучшем случае, клонящим ко сну анализом филологических тонкостей вроде тех, которые занимают предыдущие страницы. Хуже того, при таких суровых требованиях относительно реальных данных, пришлось бы несколько сократить объем известной работы Гайдукевича об истории Боспора»⁷⁵.

Исследовательница высказалась и о самой научной полемике по вопросу о Савмаке и выразила сожаление, что доклад С.Я. Лурье не был опубликован, а его доводы искажаются оппонентами⁷⁶. По ее мнению, согласие большинства советских исследователей с мнением Жебелёва – не аргумент в полемике. «И к тому же нельзя сказать, что данная проблема получила всестороннее обсуждение в советской научной литературе. Ведь статья С.Я. Лурье, появившаяся в 1959 г., является первым напечатанным выступлением советского ученого, критикующего выводы Жебелёва по существу вопроса, с тех пор как Коцевалов опубликовал свои критические замечания в 1937 г.»⁷⁷.

Контекст также свидетельствует о скрытой критике руководства ВДИ, которое отказало С.Я. Лурье (очевидно, под давлением крайне влиятельного В.В. Струве) в публикации статьи о Савмаке. Сама статья Э. Грейс, между прочим, была опубликована в номере, посвященном памяти главного редактора журнала Сергея Владимировича Киселева. Следующим главным редактором ВДИ стал В.В. Струве.

В статье Э. Грейс дважды поблагодарила молодых коллег – И.С. Свенцицкую (прим. 15) и Г.А. Тароняна (прим. 13) – за полезные аналогии в греческих текстах, важные для доказательной базы. Это косвенно свидетельствует и о том, что доклад, по материалам которого была написана статья, обсуждался на заседании сектора древней истории, и об авторитете Э. Грейс среди молодых ученых. Статья Э. Грейс «К полемике о восстании Савмака», по-моему, несправедливо забыта. К сожалению, не упомянул ее в книге об отце Я.С. Лурье, хотя история с восстанием Савмака там рассмотрена со всеми деталями⁷⁸; нет упоминания об этой статье и в соответствующей главе книги А.А. Формозова⁷⁹.

Заключение. Эмили Грейс, безусловно, не была «властителем дум» советских антиковедов, однако ее статьи об аттических рабах, о гражданах и негражданах в

⁷⁴ Kazakevich 1963, 70.

⁷⁵ Kazakevich 1963, 69.

⁷⁶ Kazakevich 1963, 61.

⁷⁷ Kazakevich 1963, 67–68.

⁷⁸ Lurie 2004, 201–206.

⁷⁹ Formozov 2006, 166–172.

аттическом праве хорошо известны специалистам. В 90-е годы, в непростой для российской науки период, когда исследования по рабству прекратились, была переведена и опубликована в ВДИ ее большая статья о ксене, обвиненном в убийстве по афинскому праву⁸⁰, в юбилейном сборнике ВДИ переиздана статья 1974 г. о правовом положении рабов⁸¹. Еще в 70-е годы по просьбе известного специалиста Рона Страуда Э. Грейс перевела на английский язык свою статью 1960 г. о «живущих отдельно». Этот перевод (с добавлением непереведенным автором мест) был издан американской исследовательницей Деборой Кэмен в авторитетном научном журнале в 2008 г.⁸² Таким образом, взгляды Э. Грейс сохраняют научную актуальность и через полвека – немалый для современной науки срок.

В чем же причина? Прежде всего, следует сказать о ее методике анализа источников. Школа, которую она прошла в Брин Море и в Йеле, давала ей возможность использовать методы историко-филологического анализа на самом высоком уровне. Рискну высказать предположение, что под влиянием старшей сестры, знаменитого археолога Вирджинии Грейс⁸³, Эмили также пыталась применять для анализа письменных источников методы классификации и анализа, столь тщательно отработанные сестрой на амфорных клеймах. Оценивая то или иное явление, Э. Грейс ставила вопрос: чем оно не может быть, и методом исключения добивалась максимально точного результата. В научной литературе для нее не существовало непререкаемых авторитетов, мнение большинства для нее мало что значило: она могла оспорить точку зрения своего учителя, могла сочувственно сослаться на очень старую работу, всегда отмечала замечания, высказанные молодыми исследователями.

Почему Эмили Грейс смогла проявить себя в полной мере как историк именно в СССР? Ее ранние работы, написанные в США, несмотря на всю их фундаментальность и тщательность, даже судя по названиям, носили описательный характер. Э. Грейс была убежденным марксистом, причем не советского образца, и рассматривала эти «скучные филологические тонкости» не более как предпосылки для познания закономерностей исторического развития. Она выбрала тему рабства, фундаментальную для общественной жизни, но не питала никакого пиетета к придуманным «революциям рабов», к которым советская историография античности была склонна вплоть до начала 60-х годов. Комплексный историко-филологический, правовой и социально-экономический анализ источников, который она применяла к социально-экономическому материалу, давал блестящие результаты.

Плюралистическое окружение московской академической среды, безусловно, способствовало творческим успехам Э. Грейс. Среди ее коллег встречались и советские марксисты второго (Е.М. Штаерман) и даже первого поколения (Я.А. Ленцман), но преобладали, особенно в 70-е годы, либерал-конформисты, всегда согласные вставить нужную сноску, чтобы иметь возможность спокойно заниматься своей узкой темой. Марксизм самой Э. Грейс менялся под воздействием «реального социализма» и возраста, смягчался, покрывался патиной. Вторжение советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. произвело на Э. Грейс, очевидно, очень тяжелое впечатление⁸⁴.

⁸⁰ Grace 1992–1993.

⁸¹ Grace 1997.

⁸² Grace Kazakévich 2008, 343–380.

⁸³ О ней: Koehler 1996, 153–155. Классификацией В. Грейс археологи пользуются до сих пор.

⁸⁴ О симпатии к Чехословакии свидетельствует ее письмо Яну Печирке от 27 июля 1969 г., копия которого хранится в архиве редакции «Вестника древней истории».

Шансов создать в Москве школу изучения древнегреческого рабства у нее не было. Изучение античного рабства уже с середины 60-х годов стало делом непристойным, поскольку ассоциировалось с «официозной» наукой. Длительной перспективы у этих исследований быть не могло, молодые исследователи стремились уйти в историю культуры, изучение религии. Это не могла не понимать и сама Э. Грейс, порекомендовавшая дружившей с ней М.К. Трофимовой заняться рукописями Наг-Хаммади. Американская исследовательница не могла не ценить право на свободу выбора; когда же оно ограничивалось (до середины 70-х годов ее не выпускали в загранпоездки в «капиталистические страны»), ее это ранило.

Однако Эмили Грейс поддерживали поколения ученых, вошедшие в науку в 50–70-е годы, для которых неофициальные авторитеты послесталинской эпохи имели большее значение. Те молодые исследователи, на которых она оказала наибольшее влияние (В.М. Смирин, И.С. Свенцицкая, Ю.Г. Виноградов) перенимали ее отношение к науке, ее методику работы с источниками, но не ее методологию. Ее «не-советский» марксизм мог существовать в условиях советской исторической науки эпохи «оттепели», и это обстоятельство характеризовало и ее как исследователя, и советскую историческую науку того периода. Эмили Грейс была замечательным американским ученым, которая смогла реализовать себя в Институте истории (с 1968 г. – в Институте всеобщей истории) АН СССР, став, пусть и специфической, частью московской академической среды 50–80-х годов XX в.

Литература / References

- Accused Russian... 1950: Accused Russian Returned to Soviet. *The New York Times*, January 18
- Allen, S.H. 2011: *Classical Spies: American Archaeologists with the OSS in World War II Greece*. Ann Arbor
- Chashchin, K.V. 2014: *Russkie v Kitae: genealogicheskiy indeks [Russians in China. Genealogical Index (1926–1946)]*. New York
- Чашчин, К.В. *Русские в Китае: генеалогический индекс (1926–1946)*. Нью-Йорк
- Dmitriyev, S.S. 1999: Iz dnevnikovykh zapisyey Sergeya Sergeevicha Dmitrieva. 1951 god. 1952 god [From the Diaries of S.S. Dmitriyev. Years 1951, 1952]. *Otechestvennaya istoriya [Russian History]* 4, 113–128
- Дмитриев, С.С. Из дневниковых записей Сергея Сергеевича Дмитриева. 1951 год. 1952 год. *Отечественная история* 4, 113–128
- Druzhinin, P.A. 2012: *Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie [Ideology and Philology. Leningrad, 1940s: A Documentary Study]*. Vols. 1–2. Moscow
- Дружинин, П.А. *Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование*. Т. 1–2. М.
- Editorial 1956: Uluchshit' organizatsiyu nauchno-issledovatel'skoy raboty v oblasti drevney istorii [Improve organization of research work in the field of ancient history]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 3–11
- Улучшить организацию научно-исследовательской работы в области древней истории. *ВДИ* 2, 3–11
- Finley, M.I. 1959: Was Greek Civilisation Based on Slave Labour? *Historia* 8, 145–164 = In: B.D. Shaw, R.P. Saller (eds), *Economy and Society in Ancient Greece*. New York, 1982, 97–115
- Finley, M.I. 1973: *The Ancient Economy (Sather Classical Lectures, 43)*. Berkeley–Los Angeles
- Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki [Russian Archeologists in totalitarian Russia: Historiographical Studies]*. 2nd ed. Moscow
- Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историкографические очерки*. 2-е изд., доп. М.
- Formozov, A.A. 2011: *Zapiski russkogo arkheologa (1940–1970-e gody) [Notes of the Russian Archaeologist (1940–1970s)]*. Moscow
- Формозов, А.А. *Записки русского археолога (1940–1970-е годы)*. М.
- Frolov, E.D. 2013: Professor Dmitriy Pavlovich Kallistov (1904–1973). Shtrikhi k portretu [Professor Dmitry Kallistov (1904–1973): A Portrait]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Studies and Publications in Ancient History]* 13, 433–446

- Фролов, Э.Д. Профессор Дмитрий Павлович Каллистов (1904–1973). Штрихи к портрету. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 13, 433–446
- Gavrilov, A.K. 1992: Skify Savmaka: vosstanie ili vtorzhenie [Scythians of Saumacus: uprising or invasion?]. In: *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya* [Studies in history and culture of the Northern Black Sea region in antiquity]. St. Petersburg, 52–73
- Гаврилов, А.К. Скифы Савмака: восстание или вторжение. *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 52–73
- Grace Kazakévich, E. 1945: The Study of Ancient History in the Soviet Union. *The American Review on the Soviet Union* 6. 2, 39–58
- Grace (Kazakevich), E. 1968: O konkubinate v Afinakh klassicheskogo perioda [Concubines in Classical Athens]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 28–52
- Грейс (Казакевич), Э.Л. О конкубинате в Афинах классического периода. *ВДИ* 1, 28–52
- Grace, E. 1992–1993: Ksen, obvinennyy v ubiystve po afinskomu pravu [The “Altogether” Xenos as Killer]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1992. 4, 28–46; 1993. 1, 25–39
- Грейс, Э. Ксен, обвиненный в убийстве по афинскому праву. *ВДИ* 1992. 4, 28–46; 1993. 1, 25–39
- Grace, E. 1997: Pravovoe polozhenie rabov v delakh ob ubiystve [The Legal Position of Slaves in Homicide Cases]. *Drevnie tsivilizatsii. Gretsia. Ellinizm. Prichernomor'e. Izbrannye stat'i iz zhurnala «Vestnik drevney istorii»* [Ancient Civilizations. Greece. Hellenism. Northern Black Sea region. Selected articles from The Journal of Ancient History]. Moscow, 212–233 = *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1974. 2, 34–56
- Грейс, Э. Правовое положение рабов в делах об убийстве. *Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. Избранные статьи из журнала «Вестник древней истории»*. М., 212–233
- Grace Kazakévich, E. 2008: Were the $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ οἰκοῦντες Slaves? *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 48, 343–380
- Graham, H.F. 1961a: An Indiana Experiment. *The Classical Journal* 56. 6, 252–253
- Graham, H.F. 1961b: The Classics in the Soviet Union. *The Classical World* 54. 7, 205–213
- Graham, H.F. 1967: The Significant Role of the Study of Ancient History in the Soviet Union. *The Classical World* 61. 3, 85–97
- Heinen, H. 2014: Rise and Decline of Soviet Research on Slavery. An Essay on the Relationship of Politics and Science. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 143–178
- Хайнен, Х. Расцвет и упадок советских исследований о рабстве: очерк о взаимосвязи политики и науки. *ВДИ* 4, 143–178
- Immerwahr, S.A. 1996: Biography of Virginia Grace. *Breaking Ground: Women in Old World Archaeology* http://www.brown.edu/Research/Breaking_Ground/bios/Grace_Virginia.pdf.
- Kazakevich, E.L. 1960: Byli li rabami oi $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ οἰκοῦντες? [Were the $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ οἰκοῦντες Slaves?]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 23–42
- Казакевич, Э.Л. Были ли рабами οι $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ οἰκοῦντες? *ВДИ* 3, 23–42
- Kazakevich, E.L. 1961: O rabakh-agentakh v Afinakh [About Slaves-agents in Athens]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 3–21.
- Казакевич, Э.Л. О рабах-агентах в Афинах. *ВДИ* 3, 3–21
- Kazakevich, E.L. 1963: K polemike o vosstanii Savmaka [Discussion about Saumacus Uprising]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 57–70
- Казакевич, Э.Л. К полемике о восстании Савмака. *ВДИ* 1, 57–70
- Karyuk, S.G., Kulishova, O.V. 2015: Kh'yu Grekhem, «indianskiy eksperiment» i sovetskoe antikovedenie 50–60-kh godov [Hugh F. Graham, the Indiana Experiment and Soviet Classical Scholarship in the 1950–1960s]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 209–217
- Карпюк, С.Г., Кулишова, О.В. Хью Грэхем, «индианский эксперимент» и советское антиковедение 50–60-х годов. *ВДИ* 3, 209–217
- Kiselev, A.F., Shchapov, E.M. (eds) 1996: *Khrestomatiya po otechestvennoy istorii (1946–1995)* [Reader in Russian History (1946–1995)]. Moscow
- Киселев, А.Ф., Шапов, Э.М. (ред.), *Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995)*. М.
- Korsunskiy, A.R., Kuzishchin, V.I., Lenzman, Ya. A., Pavlovskaya, A.I., Svetsitskaya, I.S. 1958: Rets. [Rev. on] W.L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman antiquity. Philadelphia, 1955. 180 p. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 136–158
- Корсунский, А.Р., Кузищин, В.И., Ленцман, Я.А., Павловская, А.И., Свенцицкая, И.С. Рец.: W.L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman antiquity. Philadelphia, 1955. 180 с. *ВДИ* 4, 136–158
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow
- Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.

- Krikh, S.B., Metel, O.V. 2014a: Dve paradigmmy v sovremennoy otechestvennoy istoriografii [Two Paradigms in Modern Russian Historiography]. *Voprosy istorii* [Issues of History] 1, 159–166
Крих, С.Б., Метель, О.В. Две парадигмы в современной отечественной историографии. *Вопросы истории* 1, 159–166
- Krikh, S.B., Metel, O.V. 2014b: *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli* [The Soviet Historiography of Antiquity in the Context of World Historical Thought]. Moscow
Крих, С.Б., Метель, О.В. *Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли*. М.
- Koehler, C.G. 1996: Virginia Randolph Grace, 1906–1994. *The American Journal of Archaeology* 100. 1, 153–155
- Lurie, Ya.S. 2004: *Istoriya odnoy zhizni* [History of one life]. St. Petersburg
Лурье, Я.С. *История одной жизни*. СПб.
- Miss Bentley... 1949: Miss Bentley Lists Ten More as Spies. *The New York Times*. June 6
- Naiden, F. 2014: Finley's War Years. *The American Journal of Philology* 135. 2, 243–266
- Sarr, Ch.G. 1960: The History of the Roman Empire 1911–1960. *The Journal of Roman Studies* 50, 149–160
- Tompkins, D. 2013: Moses Finkelstein and the American Scene. In: W.V. Harris (ed.), *Moses Finley and Politics*. Leiden, 5–30
- Tompkins, D. 2014: *La formation de Moses Finley d'après les documents américains, 1932–1955*. *Anabases* 19, 111–129
- [Vinogradov, Yu.G.] 1991: Pamyati Emilii L'vovny Kazakevich (Greys) [Emiliya L'vovna Kazakevich (Grace), in memoriam]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 227–228
Памяти Эмилии Львовны Казакевич (Грейс). *ВДИ* 4, 227–228
- Watkins, J. 1987: *Moscow Despatches: Inside Cold War Russia*. Toronto.
- Werth, N. 1998: *Istoriya Sovetskogo gosudarstva* [A History of the Soviet Union]. 1900–1991. 2 ed. Moscow.
- Верт, Н. *История Советского государства. 1900–1991*. 2-е изд. М.